

Амели, Маттео, Аликс и Зазе.

*Моим «учителям»: Дидье Дюма, Доменик Ранкин, Шарлю Ли
и Нгуену Дюк Моку.*

Моим «учителям» жизни: детям

Взрослым, которые мне доверились.

Всем тем, кого я не могу упомянуть...

ВВЕДЕНИЕ

«Я уже несколько раз проходил терапию, но чувствую, что что-то все равно не находит разрешения». «У моего сына тики, но мы пока не нашли решения этой проблемы». «Я хочу психоаналитика, который бы разговаривал и был приятным...». «Я понимаю, что мне нужно работать над собой, но если придется делать это десять лет, то оно того не стоит». С такими просьбами ко мне обращаются почти каждый день, и, признаюсь, они находят у меня отклик. Разве нельзя покончить с бесконечной терапией, невозможностью излечить симптомы, молчаливыми и неприятными психоаналитиками?

Эти просьбы заставляют меня вспомнить о моем собственном пути. Большую часть жизни я пытался сам разобраться со своими проблемами и, признаюсь, долгое время, с самой юности испытывал к психоанализу, психоаналитикам и вообще врачам с приставкой «пси» недоверие, смешанное с зачарованностью и даже страстью. Но достаточно было однажды в поворотный момент моей жизни столкнуться с личной загадкой и аффективными отношениями, чтобы я в испуге бросился к психоаналитику. Но это был аналитик, у которого мне сначала понравилась книга. По-видимому, меня успокоили и побудили встретиться с ним его жизнелюбие и любовь к людям, его манера говорить о разном, не только о психоанализе, качества его души, отразившиеся в его текстах. И вот тогда я пустился в далекое путешествие, показавшее мне в каждый из своих «кульминационных» моментов, что я уже давно нуждался в помощи, понимании и трансформации. Мало-помалу радость вернулась в мою жизнь. Помню, как сказал одной подружке: «Я и не знал, что можно быть счастливыми!».

Между тем, а именно за этим я и пришел в анализ к этому человеку, моему терапевту стало ясно, что некоторые мои проблемы не могли быть решены, пока я не пойму, что происходило в

моей семье, когда я был маленьким и даже раньше, до моего появления на свет. Благотворное действие этих исследований на мою жизнь было так велико и разительно, что у меня развилась настоящая страсть к тому, что называли психогенеалогией¹, а сегодня называют транспоколенческим или трансгенерационным психоанализом, каковой я собираюсь вам представить в этой книге. Снова взявшись за изучение психологии и психоанализа, я несколько не собирался становиться психоаналитиком или даже психологом. Меня пугала ответственность за человека в течение столь долгого периода времени, я был похож на родителя, знающего, что после рождения ребенка ему придется нести за него ответственность как минимум до его совершеннолетия. Меня гораздо больше занимало то, что мне самому становилось все лучше, это само по себе было немало, и я видел себя в качестве терапевта только на коротких дистанциях, а не длительном лечении. Однако люди, с которыми я стал прорабатывать их генеалогическое древо в рамках психогенеалогии, снова и снова просили меня стать их аналитиком. Я убежден, что спрос рождает предложение. Я согласился, но с большими оговорками, и сегодня я об этом ничуть не жалею.

Так было и с этой книгой, которую меня просили написать в ходе моей работы, обучения и выступлений. Написание книги доставило мне некоторые проблемы, к счастью, смешанные с удовольствием от самого процесса письма, то есть спрос снова породил предложение и стал главной причиной появления этой книги. Когда я ее писал, я несколько раз прерывался и говорил себе, что больше всего люблю «клинику» и изыскания, которыми занимаюсь вместе с детьми и взрослыми, каждый день приходящими ко мне на прием. Однако популяризация транспоколенческого психоанализа, знакомство с ним через книгу казалось мне важным предприятием только при одном условии: что она может быть адресована всем, «опытным» и новичкам, знающим что-то о психиатрии и не знающим ничего.

---

¹ См. Anne Ancelin Schützenberger, *Psychogénéalogie. Guérir les blessures familiales et se retrouver soi*, X éd., Paris, Payot, 2012.

Также я хотел показать, как женщины и мужчины, а также дети, которых я принимал в своем кабинете, могут испытывать на себе воздействие феномена «фантомов», воздействие, которое я нашел и у себя и которое свидетельствует о тяжелом и странном присутствии травм и аффективных конфликтов наших предков в нашей психике. Эти «фантомы» дают о себе знать прежде всего повторением симптомов, аберрантным поведением, бесплодными схемами отношений, которые создают для некоторых всевозможные жизненные трудности и вызывают довольно тяжелые психические нарушения. Пройдя самые разные виды терапии, одновременно или последовательно — психиатрию, психоанализ, личное развитие, когнитивно-поведенческую терапию — в большинстве случаев с бесспорно позитивными результатами, многие пациенты, тем не менее, не смогли по-настоящему разрешить то, что переживается ими как судьба. Тогда мы замечаем, что то, что оказывает в нас сопротивление лечению, на самом деле нам не принадлежит: это почти неподъемная задача — заставить выздороветь другого в нас, даже не подозревая о том, что это другой! Если заслуга психогенеалогии в том, что она проливает свет на значение истории наших предков для становления нашей психики, трансгенерационный психоанализ напоминает нам о бессознательном, которое мы с ними разделяем. Он стремится понять то, как эти предки переживали свои травмы и насколько их потомки оказываются причастны к этому «как» в своем собственном бессознательном. Таким образом, речь идет о том, чтобы принимать во внимание не только индивидуальное, но и семейное бессознательное: хотя оба иногда пересекаются или накладываются друг на друга, важно, тем не менее, их не смешивать, чтобы терапия не зашла в тупик.

Сначала я представляю кейсы мужчин и женщин, которые позволяют понять, как психоаналитический механизм, то, что называется «терапией», может функционировать с учетом этих двух бессознательных. Эти кейсы также показывают, что для многих из них безумие, психоз, бред — не случайные человеческие аберрации, их истоки и смысл лежат скорее в семейной и коллектив-

ной истории, чем в личных переживаниях или предрасположенностях. Я понял это после того, как принял множество детей, у которых были тяжелые психические расстройства, хотя их семейное окружение казалось относительно здоровым. В присутствии своих родителей, рассказывавших свою историю и историю своих предков, эти дети излечивались, иногда всего за несколько сеансов, от психических «абберраций», из которых взрослые сделали тяжелые психические случаи. Именно эти дети ярко продемонстрировали мне решающее влияние предков на потомков. Они также научили меня тому, что все, что не способствует развитию жизни, идет «против» нее.

Фундаментальное заблуждение состоит именно в этом. Так, сексуальность и смерть — вопросы, стоящие в центре филиации — два элемента жизни, которые должны быть облечены в слова родителями в присутствии ребенка. Кроме того, дети должны знать историю со стороны тех, кто стоял у истоков счастья и драм их предков: без этого слова, окутанные тайной, станут проблемами в репрезентации, которые будут безуспешно заполняться их ранними симптомами. И наоборот, ребенок, которому достаточно рано было дано это спасительное слово — то есть слово о двух фундаментальных вопросах «Откуда я взялся?» и «Куда я иду?» — почти сразу получает естественную динамику развития, он вырастает в свободного и независимого взрослого, как хорошо посаженное, ухоженное и питаемое, физически и духовно, дерево, «становящееся-развивающимся в направлении своего пола»². Однако если дети страдают от этой недосказанности, то же самое неизбежно случается и со взрослыми, которые, не будем забывать, и сами были детьми. Хотя, сколь бы благотворными они ни были, у взрослых эти результаты не показывают той невероятной эффективности, с которой они работают для детей.

Помимо анонимных историй, в конце книги я представляю трансгенерационный анализ Артюра Рембо и Винсента Ван Гога, а также критику фрейдовской теории через «фантомов Фрейда».

² Françoise Dolto, *L'Image inconsciente du corps*, Paris, Seuil, coll. «Points », 1992, p. 50.

Хотя Фрейд и открыл чрезвычайно богатое поле исследования человеческой психики, он, кажется, одновременно закрыл возможности исследования многих теоретических точек, скрыв пути, которые «не следовало» изучать, в частности тот, что касается влияния предшествующих поколений на психическую жизнь индивидов.

По осознанным и бессознательным причинам, принадлежащим истории Фрейда³ и историям большинства из его учеников и последователей, самой их жизни, наука о человеке порой превращается в догму. Все эти проявления слепоты, часто связанные с невозможностью подвергнуть сомнению слова «мэтра», играют на руку актуальным критикам психоанализа, которые, пусть и на основании разных подходов, полностью отвергают эту дисциплину, игнорируя то важное и спасительное, что было в ней с самого ее рождения. В некоторой степени ребенка выбрасывают вместе с водой. Психоанализ может иметь неоспоримую терапевтическую действенность, если он хотя бы в малой степени сможет открыться и глубоко усомниться в том, что не работает в его практике и теории.

Эту действенность психоанализа я собираюсь показать на примере историй детей, женщин и мужчин, которые излагаются далее. Их история — это моя история в том смысле, что у меня никогда не было ощущения, что я нахожусь «с правильной стороны», то есть что я — здоровый человек, принимающий больных людей. У меня только есть чувство того, что я лишь немного опередил их на пути, ведущем к счастью. Рассказы об их жизни и лечении приводятся здесь с их разрешения и даже при их участии: некоторые из них правили мои тексты, когда находили, что они не соответствуют тому, что они считали своей реальностью и реальностью своих детей, поэтому они тоже в некотором смысле писали эту книгу.

Итак, начав с отдельных кейсов взрослых и детей и продолжив кейсами знаменитых людей, я приглашаю вас в путешествие в страну «семейных фантомов», туда, где все, что не было проговорено, повторяется.

---

³ См. далее главу, которую я посвятил этому вопросу.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Вылечить
в себе свое детство
и свою историю,
а также историю
своих предков

Глава 1

КАК ЖЕНЩИНЫ СОЗДАЮТ СЕБЕ УТРАЧЕННЫХ ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕВ

Любовные повторения

«**А** что если я делаю глупость?» — спрашивала себя Изабель в день своей свадьбы. В тот момент, который она всегда представляла себе как триумф, признание себя как женщины, она стала все чаще вспоминать о мужчинах, которых знала раньше. Среди этих мимолетных образов, окрашенных ностальгией, задержался один, заслонивший собой всех остальных: Пьер, которого она любила безумной, но платонической любовью, когда ей было восемнадцать.

Изабель постепенно отдалилась от этого мужчины, ныне отца семейства, которого она уже давно потеряла из виду, но при этом сохранила что-то вроде внутренней крипты, которую более или менее осознавала. Ей должно было исполниться двадцать восемь, все ее подруги уже были замужем, у некоторых уже были дети, и тогда она тоже решила выйти замуж, как бы на автомате: она вышла замуж за другого, не за того, которого любила. Вот, собственно, и все.

Этот брак принес двоих детей и закончился неудачей, которая, казалось, была предначертана с самого начала. Изабель, скрепя сердце, ушла от мужа, стала жить жизнью тридцатилетней матери-одиночки, пользуясь преимуществами попеременной опеки, чтобы встречаться с мужчинами, с которыми она знакомилась в интернете. Если в начале эти сентиментально-сексуальные связи давали ей чувство свободы, позднее у нее возникла по-

давленность, когда раз за разом повторялись бесплодные схемы отношений, которые она слишком хорошо изучила. При каждой новой встрече она думала, что это мужчина всей ее жизни, а потом довольно быстро замечала, что это снова была история-однодневка.

После восьми лет анализа Изабель полагала, что вопрос о ее предках не получил должной проработки. У нее было много книг на эту тему, в частности книга Даниэль Фломенбом «Женщина желанная, женщина желающая»⁴, в которой шла речь о передаче травм от одного поколения к другому по женской линии. После этого чтения, желая избавиться от повторяющихся любовных паттернов, она пришла ко мне, зная, что я занимаюсь трансгенерационным психоанализом, аналитической работой, в которой пациент соотносит себя с судьбой своих предков, чтобы выйти из круга повторений.

Итак, мы провели с Изабель второй анализ, включив в него изучение ее семейного древа.

Когда дочь дублирует возлюбленных матери

Изабель в сущности не любила своего первого мужа. В тот момент он банально подвернулся ей, и она подумала, что и так сойдет. Это был милый мужчина, к тому же в выборе Изабель сыграли роль слова ее матери, бабушки и прабабушки: «Важно, чтобы человек был надежный, чтобы он мог бы стать отцом твоих детей. Любовь — это совсем другое». Она пыталась поверить в этот союз. Может быть, со временем она станет больше ценить своего мужа? Да и дети, которые у них родятся, вдохнут жизнь в их брак. Но время показало обратное.

Через некоторое время после рождения второго ребенка развод стал неминуем, для нее, по крайней мере. Ее муж, приятный,

---

⁴ Danièle Flaumenbaum, *Femme désirée, femme désirante*, Paris, Payot, coll. « Petite Bibliothèque Payot », 2011.

но, на ее взгляд, слишком миролюбивый мужчина, сделал все, чтобы сохранить жену, которую, по его словам, любил, и очень расстроился из-за ее ухода. Она не испытывала к нему злости, уважала его как отца ее детей, но с любовью в ее жизни ничего не вышло.

Не больше любви было и в ее дальнейших связях. Это судьба: ей не суждено счастья в отношениях с мужчинами. И не всегда это была их вина, некоторые даже хотели иметь с ней постоянные отношения. «Нет, — говорила она, — Я сама виновата. Что-то мне подсказывает, что я никогда не найду любовь».

Она поняла, что ее единственная и неповторимая любовь, тот самый юноша, о котором она вспоминала так настойчиво в день свадьбы, странным образом походил на ее брата. Он страстно любил горы, и, как и брата, его звали Пьер. После проработки в анализе Изабель поняла то, что чувствовала все свое детство: этот единственный сын, «любимчик» ее матери, был для нее любовной моделью вместо ее отца. В эдипальном возрасте, который приходится на период от трех до восьми лет, она никогда не воспринимала отца как объект желания матери. Отец ни во что не вмешивался, его часто не бывало дома, мать его не слишком уважала, к тому же он много работал. Ее младший брат Пьер, мамочкин «фаллос», таким образом, представлял для девочки единственную интересную фигуру мужчины.

Эдип дочери зависит от того, какого мужчину любит ее мать

Эдипальность — период, когда у детей образуется сексуальное и любовное желание по модели желания родителя того же пола: для девочки это обычно ее отец, сколь бы малым ни было желание, которое испытывает к нему мать. Затем, после того как оба родителя продемонстрируют ей, что инцест запрещен, девочка может отказаться от своего отца. Этот отказ довольно грубо называется в психоанализе «кастрацией», что отнюдь не означает

отрезанный пенис. Это процесс отделения от родителя, вызывающего желание, который затем может привести к идентификации с родителем того же пола. Счастливый исход эдипальной стадии для ребенка состоит в возможности представить, что в будущем у него будут любовные отношения, но с кем-то, кто не является членом семьи. Фундаментальный аспект эдипова комплекса — запрет инцеста. В случае Изабель идентификация с матерью означала бы для нее, что сначала она будет желать своего отца, затем откажется от него.

Однако для ее матери желанным мужчиной был не муж, а сын, а на его счет никакого запрета продемонстрировано не было. Как следствие, у Изабель образовалась инцестуозная любовная модель, ее брат. То есть она застряла на эдипальной стадии в своем детстве. Однако любопытно, что у двух ее последних романов, которые были для нее особенно важны, была общая черта. Немного разные по возрасту, каждый со своей собственной спецификой, ее любовники имели одну общую точку: один был испанцем, а другой — родом из латиноамериканской страны. Ее бывший муж был чистокровным французом. Почему Испания заняла столь важное место в любовных отношениях Изабель? Ничто в ее вкусах, в ее жизни или детстве, в том, что она знала об истории своих родителей, не отсылало к этой стране. Тогда я посоветовал ей спросить у матери, не было ли у нее возлюбленного, связанного с Испанией, до брака или даже во время него. Я замечал, что женщины, у которых постоянно повторялись неудачные любовные отношения с мужчинами, носившими одно и то же имя, имевшими одну и ту же профессию или какую-то общую черту, могли с удивлением обнаружить, что их матери прежде были влюблены в кого-то, у кого тоже была такая особенность.

До сих пор, сама того не ведая, Изабель вела поиски невозможной любви, предпринимала бессознательную попытку залечить тайную рану ее собственной матери, тоже неосознанную.

Откуда берутся любовные модели?

У матери Изабель на самом деле не было утраченных возлюбленных из Испании, но в разговоре она упомянула учителя испанского языка Пьера, ее брата. Она находила его очаровательным, хотя между ними ничего не было. Она никогда с ним по-настоящему не разговаривала. В связи с этим Изабель упомянула брата. Ее мать однажды сказала ему: «Для меня твоим настоящим отцом был учитель испанского».

Она объяснила ей, что этот учитель, с которым она, как мать ученика, познакомилась в лицее во время родительских собраний, был, с ее точки зрения, идеальным мужчиной. Она хотела бы, чтобы отцом ее ребенка был он, а не муж, к которому она относилась с пренебрежением. Таким образом, любовная модель Изабель образовалась не только с ориентацией на брата, но и в связи с означающим «Испания», и это она разделяла со своей матерью. Но она все еще не понимала причину.

Изучая свое генеалогическое древо, она нашла объяснение присутствию Испании у предшествующих поколений. Эти сведения, к которым добавились и другие, тоже многое прояснявшие, были своеобразным ключом к пониманию любовных историй женщин в ее семье, а значит, и ее собственной, историй, полных отголосков, какие встречаются в подавляющем большинстве генеалогий.

Наследие предков

То, что мы предчувствовали применительно к ее матери, на самом деле произошло за одно поколение до нее: ее бабушка до того, как выйти замуж за дедушку, была обручена с испанцем, пропавшем в горах! Это не была тайна, скорее, некоторая недосказанность. Об этом никогда не говорили. Так Изабель поняла, как Испания связала обоих ее недавних любовников. Они оба бросили ее довольно внезапно, это напоминало то, как ис-

без возлюбленный бабушки — сразу после их обручения. Этот идеал мужчины передался ее матери, он проглядывал в том, как она говорила об учителе испанского своего сына. Тогда Изабель с удивлением узнала, что пропавшего возлюбленного ее бабушки звали ... Педро, что в испанском языке соответствует Пьеру!

Таким образом, Изабель воспроизвела возлюбленного своей бабушки в своей первой любви к юноше, который, как и ее брат, обожал горы и которого тоже звали Пьер, но она также воссоздала этот образ в своих недавних романах с мужчинами, связанными с Испанией. Ее брата называли Пьером, чтобы в нем воплотился возлюбленный, потерянный двумя поколениями ранее. Утраченная и невозможная любовь бабушки, чей жених погиб, утраченная и нереализованная любовь Изабель, ее внучки.

Она также выяснила, что Испания фигурирует в еще одном месте ее генеалогии: учитель испанского, харизматическая фигура в семье, практически жил у них дома, когда учил бабушку в детстве. Он, вероятно, был любовником прабабушки, когда ее собственный муж воевал на фронте в Первую мировую, или она, возможно, была только влюблена в него, но между ними ничего не было. Зато было ясно, что своего мужа, выходца из бедной среды, она ставила не слишком высоко, тогда как учитель испанского, ко всему прочему еще и более интеллектуальный и соблазнительный, воплощал ее идеал мужчины.

Итак, Изабель поняла, что ее бабушка в качестве идеала мужчины в детстве имела не своего отца, а учителя испанского, единственного мужчину, которого желала ее собственная мать. Это объясняло, почему позднее она так сильно влюбилась в испанского альпиниста. Четыре поколения женщин в семье в качестве «прекрасного принца» выбрали мужчину, связанного с Испанией. Но почему он должен был воплотиться в ее брате, как в случае Изабель?

Фантом умершего брата

У ее прабабки, той, что так любила учителя испанского, был брат, Жозеф, важная фигура в семейной истории. Этот брат, «любимчик матери», холостяк, мобилизованный в тридцать лет, погиб во Второй мировой войне. Его мать так никогда и не оправилась от горя. Этот сын, которого мать так любила, уже в этом поколении был любовной моделью для своей сестры, прабабки Изабель, чей собственный муж, вернувшийся с войны живым, не выглядел таким же героем, как брат, погибший на поле сражения. К тому же, пока муж воевал на фронте, она влюбилась в учителя испанского своей дочери, мужчину с красивой внешностью, более привлекательного, чем ее отсутствующий муж. Прабабка Изабель создала двухголового прекрасного принца, гибридную фигуру, из своего погибшего брата и учителя испанского.

Эта фигура прекрасного принца, унаследованная Изабель, бессознательно и последовательно передавалась в четырех поколениях женщин как модель невозможной любви и включала означающие «брат, горы, Испания, Пьер, смерть». Воспоминание о погибшем брате драматически отразилось в нескольких местах генеалогии Изабель: у ее бабушки был умерший в детстве брат, носивший то же имя, что и его погибший на войне дядя; у ее матери тоже был брат, погибший, но уже в возрасте двадцати лет в войне во Вьетнаме. Таким образом, прекрасный принц, «брат-умерший возлюбленный», давал о себе знать в каждом поколении.

Прекрасный принц, передаваемый от матери к дочери

Этот тип возлюбленного, всегда уже утраченного, очень распространен среди женщин в наше время. История нашего общества показывает, что еще недавно люди не женились по любви⁵. То есть женщины переживали настоящую катастрофу, потому что им приходилось одновременно открывать для себя и сексуальность, и мужа, которого они не выбирали. У них

не было возможности расторгнуть несчастливый брак, их наслаждение никого не волновало. Они должны были сидеть дома.

Эта архаика сегодня очень часто встречается в разделении на прекрасного принца и мужа. Прекрасный принц — тот, кто у женщины был или не был, кто мог бы быть или не мог, но ни в коем случае не тот, кто есть, то есть не «муж». Даже сегодня ко мне приходят совсем юные девушки, вполне современные, создавшие себе этот образ потерянного прекрасного принца: их любовный конфликт всего лишь бессознательно воспроизводит конфликт прошлых поколений женщин в их семье.

История Изабель показывает, что это расщепление на прекрасного принца и мужа не столько присуще женской психике, сколько является наследием предшествующих поколений. У современных женщин, несмотря на совершенно иные условия жизни, архаические устремления до сих пор паразитируют на осознанной современности.

Понять психоаналитический аспект генеалогического древа — значит попытаться увидеть, как наши предки пережили сначала раннее детство, затем эдипальный период и как это отразилось на последующих поколениях. Как и в истории Изабель, мы наблюдаем, как из поколения в поколение по женской линии воспроизводятся схемы эмоций и отношений, которые заставляют потомков влюбляться так же, как их предки. Только отдав себе отчет в том, что она неосознанно воспроизводит сентиментальные структуры своих предков, женщина сможет наконец преодолеть свой любовный фатум. Как пишет Даниэль Фломенбом, «женщины не осознают того, что они заперты в материнской составляющей своих семейных линий!»⁶.

---

⁶ Danièle Flaumenbaum, *Femme désirée, femme désirante*, op. cit., p. 169.

Пока в рамках психоанализа не будут рассматриваться предшествующие поколения и то, что с ними происходило, то, что некоторые психоаналитики порицают и отказываются признавать, анализируемый не сможет принести в анализ достаточное количество элементов, относящихся к его раннему детству, чтобы разрешить то, что на самом деле ему не принадлежит. Его «преследует», на него действует нечто, чего он на самом деле не знает, но оно как бы завладевает им. В транспоколенческом психоанализе это называется «фантомом», паразитарной психо-эмоциональной структурой, которая происходит от одного или нескольких предков и бессознательно переносится или воздействует на потомка. Это понятие было введено в психоанализе в конце 1970-х годов человеком, который был не только психоаналитиком, но и поэтом, Николя Абрахамом, а также его подругой Марией Торок⁷. Они называют «фантомом» след в бессознательном потомка, оставленный нераскрытой тайной одного или нескольких предков. Фантомы проявляются в странных словах или поступках, в симптомах фобий или навязчивостей, как если бы потомка преследовало нечто, принадлежащее предшествующим поколениям. Анн Анселен Шютберже и Дидье Дюма вслед за Абрахамом и Торок уточняют, что значимое повторение в генеалогическом древе указывает на присутствие «фантома»⁸.

Выведя на свет все эти семейные элементы, чтобы преодолеть повторяющиеся схемы, Изабель продолжила анализ в более классической манере, пытаясь решить вопрос своего Эдипа, который оказался «заблокированным» с самого дет-

---

⁷ Nicolas Abraham, Maria Török, « Notules sur le fantôme » (1974), in L'Écorce et le Noyau, 2e éd., Paris, Flammarion, coll. « Champs », 1996.

⁸ Anne Ancelin Schützenberger, Aïe, mes aïeux /, 16e éd., Paris, Desclée de Brouwer, 2009 et Didier Dumas, La Sexualité masculine, Paris, Hachette Littératures, 1990.

ства в бессознательном желании фантазматического прекрасного принца, унаследованном от прошлых поколений. Ей удалось встретить мужчину, с которому она впервые в жизни стала счастлива. Этот мужчина не имел никакого отношения к Испании, его не звали Пьер, хотя он и обожал горы. Возможно, здесь следует видеть присутствие неактивизированного вируса, ставшего для Изабель прививкой от обременительной фигуры прекрасного принца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru